

УДК 343.1

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS643180>

Обращение в доход государства имущества, полученного в связи с преступной деятельностью, как способ восстановления социальной справедливости: оценка перспективности гибридных производств

А.А. Тимошенко

Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Проведен анализ действующего уголовного, уголовно-процессуального и иного смежного законодательства по вопросу определения современного состояния процедуры обращения в собственность государства имущества, полученного преступным путем.

Особое внимание уделено развитию законодательства о конфискации имущества, а также специального регулирования механизмов подрыва материальной основы терроризма, экстремизма и коррупции.

С учетом проделанной работы сделан вывод о наличии гибридных по отношению к уголовно-процессуальным механизмов обращения в собственность Российской Федерации полученного от деликтных проявлений имущества.

Автор приходит к выводу о необходимости для целей восстановления социальной справедливости в обществе, страдающем от преступности, продолжить развитие гибридных производств, в том числе за счет изъятия «необъяснимых» доходов граждан.

Ключевые слова: конфискация; наказание; обращение в собственность государства имущества; гибридные производства.

Как цитировать

Тимошенко А.А. Обращение в доход государства имущества, полученного в связи с преступной деятельностью, как способ восстановления социальной справедливости: оценка перспективности гибридных производств // Российский журнал правовых исследований. 2024. Т. 11. № 4. С. 15–20.
DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS643180>

DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS643180>

Conversion of property obtained through criminal activity to the state income as a way of restoring social justice: assessing the prospects of hybrid proceedings

A.A. Timoshenko

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia

ABSTRACT

The author analyzed the current criminal, criminal procedure and other related legislation on the issue of determining the current state of the procedure for the conversion of property obtained by criminal means into state ownership.

Particular attention is paid to the development of legislation on the confiscation of property, as well as special regulation of mechanisms for undermining the material basis of terrorism, extremism and corruption.

Taking into account the work done, a conclusion was made about the existence of hybrid mechanisms in relation to criminal procedure for the conversion of property obtained from tortious manifestations into the ownership of the Russian Federation.

The author comes to the conclusion about the need for the purposes of restoring social justice in a society suffering from crime, to continue the development of hybrid proceedings, including through the seizure of "unexplained" income of citizens.

Keywords: confiscation; punishment; conversion of property to the state ownership; hybrid proceedings.

To cite this article

Tymoshenko AA. Conversion of property obtained through criminal activity to the state income as a way of restoring social justice: assessing the prospects of hybrid proceedings. *Russian journal of legal studies*. 2024;11(4):15–20. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS643180>

Received: 21.10.2024

Accepted: 07.12.2024

Published online: 30.12.2024

Является безусловно важным добиваться социально значимого результата любой деятельности по противодействию преступности. Однако какова перспектива такой работы? Можно ли победить преступность?

Советский уголовно-процессуальный закон, формулируя задачи уголовного судопроизводства, прямо указывал на необходимость стремиться к предупреждению и искоренению преступности (ст. 2 УПК РСФСР¹).

В отличие от этого ст. 6 УПК РФ 2001 г. вообще не называет конечную цель уголовно-процессуальной деятельности, отмечая лишь стремление обеспечить назначение виновным справедливого наказания.

В свою очередь, ст. 43 УК РФ призывает признать ключевой целью уголовного наказания восстановление социальной справедливости.

В криминологической литературе устоялась точка зрения о невозможности исключить преступные девиации в обществе, призывающая обеспечить социальный контроль над преступностью, достигаемый в том числе за счет привлечения институтов гражданского общества и максимально возможного смягчения репрессивного воздействия на личность [1].

Во многом благодаря развитию подобных выверенных на основе изучения социальной действительности подходов в законодательстве стали использоваться более «осторожные» формулировки.

Заметим, что в концептуальных документах внутренней уголовной политики для обозначения предметной правоохранительной деятельности, осуществляемой в качестве реакции на преступное поведение, используется термин «противодействие преступности»².

Выстраиванию системы противодействия отдельным видам отклоняющегося поведения посвящены и специальные законодательные акты: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»³ (далее — Закон о противодействии коррупции), Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»⁴.

Надо сказать, что в отдельных нормативно-правовых актах по-прежнему используется более «бескомпромиссная» формулировка: «борьба с преступностью»⁵.

Однако с философских позиций любая правоохранительная деятельность предполагает некоторый элемент наступательности, что невозможно без значимой цели такой деятельности. Ключевым суждением Ю.В. Голика в статье, посвященной философским основаниям борьбы с преступностью, является утверждение о первичности мысли по отношению к действию, в том числе имеющему юридическое значение [2]. Можно сказать, что именно мысль, мысленный образ цели, определяет конкретное бытие права в его уже истолкованном для конкретных обстоятельств правоприменения виде.

Именно в этой связи требуется предельно ясно определить цель уголовно-процессуальной деятельности, прежде чем рассчитывать на ее эффективное воплощение. Заигрывание с идеей состязательности, защиты прав и свобод человека и гражданина при формулировании того же назначения уголовного судопроизводства чревато отказом от наступательности оперативно-следственных органов, должностных лиц, реализующих функцию уголовного преследования.

Мы, конечно же, не призываем игнорировать систему уголовно-процессуальных гарантий, однако не стоит забывать о генеральной функции процессуального права — обеспечить реализацию охранительных норм права материального, тем более что данный вопрос в юридической литературе на монографическом уровне к настоящему времени уже разработан [3; 4].

При любом подходе представляется важным ориентировать сотрудников уполномоченных органов на то, чтобы не допускать игнорирования преступного поведения, постоянно анализируя его причины и следствия, всемерно предупреждая их, давая оценку последствиям вредного для общества поведения.

Именно в связи с подобной «высокой» целью можно рассчитывать на формирование у правоприменителей понимания общего вектора государственной политики, что, безусловно, сэкономит силы государства в вопросе исключения дорогостоящих судебных процедур.

На важность данного суждения указывает новейшая история развития законодательства о конфискации имущества, накладываемой в рамках реализации уголовного закона.

Во все времена преступников карали не только личным притеснением, но и имущественными взысканиями.

Здесь достаточно обратиться к памятнику древнерусского права «Русской правде», Краткая редакция которой устанавливала штраф за убийство свободного человека в 40 гривен (стоимость стада из 50 коров) [5, с. 12]. Одной из самых суровых мер наказания считался «поток и разграбление», заключавшийся в изгнании виновного и в обращении в холопы (перевод в зависимое положение) его жены и детей после конфискации семейного имущества. Данная мера наказания назначалась в соответствии с Пространной редакцией Русской правды за разбой, не обусловленный какой-либо личной неприязнью к потерпевшему [5, с. 17].

¹ Утвержден Верховным Советом РСФСР 27.10.1960 // СПС «КонсультантПлюс».

² Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 05.10.2009) // СПС «КонсультантПлюс»; Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (утверждена Президентом Российской Федерации 30.05.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

³ СПС «КонсультантПлюс».

⁴ СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Ст. 10 Федерального закона от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» // СПС «КонсультантПлюс»; Указ Президента РФ от 18.04.1996 № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» // СПС «КонсультантПлюс» и др.

В советское время конфискация имущества применялась как мера наказания и могла затрагивать все имущество осужденного. Отсюда — ее разделение на полную и частичную.

В соответствии со ст. 50 УК РСФСР 1922 г.⁶ она могла быть присоединена к любому наказанию, даже если специально в Особенной части Кодекса не указана.

Такое регулирование было повторено и в УК РСФСР 1926 г.⁷, однако в 1927 г. в соответствии со Сводным законом о реквизиции и конфискации имущества, утвержденным Постановлением ВЦИК, СНК РСФСР от 28.03.1927, суд смог назначать конфискацию в качестве наказания за преступление, если такая возможность была специально предусмотрена в соответствующей статье уголовного кодекса.

Надо отметить, что в УК РСФСР 1960 г.⁸ и в УК РФ 1996 г. конфискация предусматривалась в качестве дополнительного наказания и могла затрагивать все имущество осужденного за некоторым исключением, установленным гражданским процессуальным законодательством.

Наряду с этим обращению в доход государства подлежали также предметы, ценности, непосредственно полученные в результате совершения преступления (специальная конфискация).

Первоначальная редакция ст. 52 УК РФ с подобным регулированием применялась до момента принятия Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»⁹, которым она была исключена из уголовного закона.

В пояснительной записке к соответствующему законопроекту отмечена низкая эффективность конфискации, которая не соответствует общей идее гуманизации законодательства об уголовной ответственности. В этой связи вместо нее был предложен штраф в качестве дополнительного наказания. При этом в соответствии со ст. 81 УК РФ конфискация преступно нажитого имущества (ранее рассматривалась в качестве специальной конфискации) сохранялась¹⁰.

Введенная в соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона „О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма“» и Федеральным законом «О противодействии терроризму»¹¹ глава 15.1 УК РФ предусматривает возмож-

ность обращения в собственность государства на основании обвинительного приговора суда имущества, добытого преступным путем, с учетом особенностей, установленных нормами, содержащимися в данной главе.

Следует отметить, что закон указывает на возможность применения конфискации в отношении денег, ценностей или иного имущества, которые образовались в результате использования преступно нажитого имущества (перечень соответствующих преступлений также предусмотрен законом).

Тем самым, действующая в настоящее время процедура конфискации по сравнению с советским и раннероссийским регулированием урезана в связи с ограничением случаев ее применения не только за счет необходимости установления порочности источника происхождения имущества, но и за счет применения правил о специальной квалификации преступных деяний в соответствии с перечнем, указанным в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, а также в примечании к данной статье.

Особняком стоит норма п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ о возможности конфискации имущества, используемого в ходе осуществления террористической деятельности или предназначенного для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), а также деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации¹².

Может быть также конфискована эквивалентная сумма денежных средств, в случае отчуждения имущества, подлежащего конфискации.

При этом ст. 104.3 УК РФ устанавливает приоритет возмещения ущерба, причиненного преступлением, по отношению к решению о конфискации имущества.

Анализ названных положений закона приводит к выводу об урезанном характере института конфискации по сравнению с ранее действовавшим в советское время. Обращение в собственность Российской Федерации всего имущества (за незначительным исключением) не допускается.

Вместе с тем специальное исследование по вопросам развития законодательства о конфискации имущества выделяет ее особое значение, заключающееся в восстановлении социальной справедливости и ликвидации экономической базы преступности [6, с. 80], что вполне логично исходя из вектора воздействия данного правового института на общественные отношения.

Меру такой справедливости сложно определить. В любом случае данные отношения избыточны возможностями их исключительно оценочного регулирования.

В то же время практика борьбы с наиболее опасными для общества проявлениями свидетельствует о необходимости принятия зачастую жестких мер имущественной репрессии в отношении причастных лиц.

⁶ Введен в действие Постановлением ВЦИК от 01.06.1922 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Введен в действие Постановлением ВЦИК от 22.11.1926 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Утвержден Верховным Советом РСФСР 27.10.1960 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Пояснительная записка «К проекту Федерального закона „О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации“» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ СПС «КонсультантПлюс».

¹² К такой деятельности, в частности, отнесены дача и получение взяток.

Так, Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»¹³ в ст. 18 устанавливает возможность изъятия в доход Российской Федерации, а также пострадавших от террористического акта лиц в рамках возмещения вреда, причиненного террористической деятельностью, имущества лица, причастного к такой деятельности, а равно имущества его близких родственников, родственников и близких лиц, которое получено в результате террористической деятельности, а равно имущества, полученного на доходы от такой деятельности.

Примечательно, что, если родственники и близкие лица не могут подтвердить законность происхождения имущества, оно органами прокуратуры также может быть обращено в доход государства на основании судебного решения, принимаемого в рамках гражданского судопроизводства на основании заявления прокурора, проводившего проверку источников его происхождения.

В соответствии с положениями ст. 9 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹⁴ имущество общественного или религиозного объединения при его ликвидации подлежит обращению в собственность Российской Федерации после удовлетворения требований кредиторов.

При этом данные законодательные акты не связывают наложение названных имущественных взысканий с принятием мер по конфискации имущества в уголовно-процессуальном порядке.

Достаточно серьезный потенциал применения альтернативных конфискации имущества процедур, направленных на обращение в собственность Российской Федерации имущества, полученного в результате запрещенной законом деятельности (в том числе преступной), содержится в Законе о противодействии коррупции, а также в Федеральном законе от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»¹⁵.

Лица, состоящие на государственной службе, а также в служебных отношениях с организациями, перечисленные в законе и подзаконных нормативных актах, обязаны указывать сведения о своем имущественном положении. В случае если они не могут подтвердить законное происхождение доходов или не задекларировали свое имущество, оно подлежит обращению в собственность государства.

Квинтэссенцией применения данных законоположений стало Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда»¹⁶.

В данном документе сформулирована позиция Конституционного Суда Российской Федерации, констатирующего несовершенство действующего законодательства в сфере противодействия коррупции и сформулировавшего некоторые принципы борьбы с незаконным обогащением коррупционеров.

Основные тезисы могут быть сведены к следующим положениям.

1. Лица, выполняющие публичные функции, обязаны быть готовыми подвергнуться ряду ограничений, в том числе затрагивающим их законные интересы.

2. Бремя доказывания законности происхождения имущества лежит на самих должностных лицах.

3. Применение общих сроков давности предъявления исков о взыскании имущества в соответствии с законодательством о противодействии коррупции не отвечает конституционно охраняемым принципам противодействия незаконному обогащению, которые характерны для правового государства.

4. Приумножение имущества, полученного на неподтвержденные в соответствии с антикоррупционным законодательством доходы, не исключает удовлетворение исков об обращении его в полном объеме в доход государства.

5. Предъявление исков в соответствии с законодательством о противодействии коррупции в рамках гражданского судопроизводства не умаляет их публично-правовую природу.

Проведенный анализ демонстрирует значительное расширение на современном этапе государственной политики по противодействию незаконному обогащению в результате совершения различного рода преступлений.

Имеющееся в уголовном законодательстве понимание института конфискации является специальным и при необходимости может быть дополнено полной ее формой.

Осуществляемое в рамках гражданского судопроизводства изъятие имущества, которое могло быть получено в результате преступной деятельности, в собственность государства фактически дополняет уголовно-правовой механизм правосоставительной юстиции и является в этом смысле гибридным, т.к. сочетает элементы, характерные для уголовного преследования, а также соблюдает условия общего гражданского судопроизводства.

Данные явления стоит рассматривать исключительно в положительном ключе.

Действительно, если признать недостижимой цель окончательно победить криминальные проявления в обществе, то нам остается признать предельно важной любую государственную деятельность, направленную на сохранение целостности общества, пораженного язвой преступности, несмотря на изначальную ограниченность средств борьбы с преступностью.

При формировании любых схем по обходу закона авторы разработок должны помнить слова выдающегося отечественного цивилиста И.А. Покровского, который отмечал, что в любом обществе, управляемом

¹³ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

как монархией, так и республикой, власть государства над личностью абсолютна и свобода последней не может посягать на этот особенный статус публичного образования [7].

Оценивая перспективы межотраслевого института обращения в собственность государства преступно нажитого имущества, можно констатировать перспективность гибридных форм его применения, предусматривающих возможность его применения в том числе в отношении имущества, лишь предположительно полученного на преступные доходы.

Как минимум уже сейчас встает вопрос о возможности оценки перспектив владения любым лицом имуществом, законность происхождения которого им не доказана.

В зарубежных государствах такая практика уже имеется и имущество «необъяснимого происхождения» как минимум «замораживается», а после прохождения специальной судебной процедуры обращается в доход государства. Такая практика сложилась в Великобритании, Австралии, Колумбии и ряде других стран [8, с. 78–79].

В этом контексте напрашивается суждение о причастности такого лица к легализации незаконно добытого. Однако в силу объективной сложности, связанной с отсутствием доказательств незаконной деятельности лица,

сформулировать конкретное обвинение по ст.ст. 174, 174.1 не представляется возможным. Выход из ситуации видится в применении рассмотренных нами гибридных процедур, установленных специальными нормативно-правовыми актами, что в контексте поиска социальной справедливости является консенсуальным решением использовать альтернативные уголовно-процессуальному порядку механизмы.

Другое дело, что обращение в собственность государства такого имущества должно происходить с приоритетной защитой прав лиц, пострадавших от преступной деятельности.

В этой связи уголовно-процессуальное законодательство требует введения специальной нормы о приоритетности удовлетворения гражданского иска, заявленного по уголовному делу по отношению к иным взысканиям. Точно так же можно было бы предусмотреть компенсацию государством ущерба пострадавшим от преступлений лицам из федерального бюджета, если ранее имущество, из состава которого мог бы погашаться ущерб от преступления, уже был обращен в собственность государства в соответствии с гибридными процедурами.

Представляется, что институт гибридных производств об обращении в доход государства незаконно полученного имущества будет только развиваться, а спор частного с публичным будет порождать обширную научную дискуссию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гилинский Я.И. Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы // Российский ежегодник уголовного права. 2013. № 7. С. 42–58. EDN: RCMFGJ
2. Голик Ю.В. Философия, нравственность, борьба с преступностью // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 12. С. 5–13. EDN: LJMPES doi: 10.12737/jrl.2021.143
3. Бабенко Н.А. Соотношение материальных и процессуальных норм в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. 24 с. EDN: ZPCXKT
4. Кондратьева С.Л. Юридическая ответственность (соотношение норм материального и процессуального права): дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1998.
5. История отечественного государства и права: хрестоматия. Ч. 1. XI–XVIII вв. / сост. В.М. Деревскова. Иркутск: Иркутский юри-

дический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010.

6. Тюшнякова О.В. Анализ конфискации имущества: история и современность // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2010. № 72. С. 79–90. EDN: OORUCH
7. Покровский И.А. Философские предпосылки гражданского права. Проблема личности и государства. В кн.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Петроград: Право, 1917.
8. Илюшина М.Н. Взыскание незаконно полученных доходов: опыт России и зарубежных стран // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 3. С. 77–83. EDN: MVANEC doi: 10.33874/2072-9936-2020-0-3-77-83

REFERENCES

1. Gilinsky Yal. Social control over crime: concept, Russian reality, prospects. *Russian Yearbook of Criminal Law*. 2013;(7):42–58. (In Russ.)
2. Golik YuV. Philosophy, morality, fight against crime. *Journal of Russian Law*. 2021;(12):5–13. (In Russ.)
3. Babenko NA. *The relationship between substantive and procedural norms in the system of Russian law* [dissertation abstract]. Chelyabinsk; 2013. (In Russ.)
4. Kondratieva SL. *Legal liability (the relationship between substantive and procedural law)* [dissertation abstract]. Moscow; 1998. (In Russ.)
5. Derevskova VM. *History of the domestic state and law: anthology. Part 1. XI–XVIII centuries*. Irkutsk: Irkutsk Law Institute (branch) of

the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation; 2010. (In Russ.)

6. Tyushnyakova OV. Analysis of property confiscation: history and modernity. *Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev*. 2010;(72):79–90.
7. Pokrovsky IA. Philosophical prerequisites of civil law. The problem of personality and the state. In: Pokrovsky IA. *Basic problems of civil law*. Petrograd: Pravo; 1917. (In Russ.)
8. Ilyushina MN. Collection of illegally obtained income: experience of Russia and foreign countries. *Bulletin of the Russian Law Academy*. 2020;(3):77–83. EDN: MVANEC doi: 10.33874/2072-9936-2020-0-3-77-83

ОБ АВТОРЕ

Андрей Анатольевич Тимошенко, канд. юрид. наук, доцент; ORCID: 0000-0003-2562-0022; e-mail: antim1@yandex.ru

AUTHOR INFO

Andrey A. Tymoshenko, Cand. Sci. (Jurisprudence), associate professor; ORCID: 0000-0003-2562-0022; e-mail: antim1@yandex.ru